

А. И. Рупасов

НАВЯЗАННЫЕ ДРУЖБА, СОТРУДНИЧЕСТВО И ВЗАИМОПОМОЩЬ: СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1947–1948 ГОДАХ

Противоречиями было пропитано все сотрудничество союзников по антигитлеровской коалиции. Завершение мировой войны только сняло некоторые из цепей, скреплявших его. К осени 1947 года сторонний наблюдатель без колебаний мог констатировать дальнейшее углубление пропасти между Западом и Востоком. На ноябрьско-декабрьской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) западными державами были предложены так называемые Дополнительные принципы, согласно которым предполагалось создание в западной оккупационной зоне сепаратного Германского государства. Фактически этой сессией СМИД был положен конец практике периодических встреч министров иностранных дел союзников по антигитлеровской коалиции для консультаций по принципиальным международным вопросам. Коалиция союзников приказала долго жить. Именно с осени 1947 года СССР начинает спешно выстраивать свою систему коллективной безопасности в Восточной Европе. 14 октября 1947 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило директиву МИД СССР о заключении договоров о взаимопомощи со странами Восточной Европы¹.

На рубеже 1947–1948 годов президент Финляндии Ю.К. Паасикиви начал утрачивать свойственный ему в предшествующий период оптимизм. К нему возвратились настроения 1946 года, когда он занял президентский пост. Обсудив с премьером международную ситуацию, Паасикиви записал в дневнике: «М. Пеккала сказал, что люди покидают Финляндию, так как опасаются будущего. Лучшие уезжают, худшие остаются. Пеккала сказал, что слышал, что и евреи переселяются. Слышали, что три еврея продали свои акции и пр. и переехали в Швецию. Это тревожный знак, так как нюх они имеют».

К концу 1947 года советская дипломатия взяла курс на ужесточение своей линии в отношении Финляндии. Получение нот о возвращении в СССР «изменников» (речь шла об эстонцах, ингерманландцах и карелах) и конфискации «брошюры» сидевшего в лагере генерала Аиро заставило Паасикиви записать в свой дневник: «Я начинаю становиться пессимистом в отношении нашего будущего»².

Назначение вместо А.Н. Абрамова посланником СССР в Финляндии генерала Г.М. Савоненкова и актуализация советской стороной вопроса о военном союзе ставили под вопрос сохранение Финляндией суверенитета³. Тем более что становилось очевидным: рассчитывать на поддержку со стороны других великих держав Финляндии не приходится. Английский посланник Скот в беседе с главой МИД Карлом Энкелем подчеркнул, что Англия заинтересована в сохранении суверенитета Финляндии, но раз послом назначен Савоненков, то, скорее всего, договор о военном союзе будет финской стороной подписан, и уклонился от комментариев на рассуждения собеседника о том, что в случае большой войны Финляндия будет оккупирована Россией⁴. В отличие от английского дипломата У.К. Кекконен считал, что назначение Савоненкова объясняется провалом коммунистов на коммунальных выборах, а генерал, человек твердый и несклоняемый, направлен для оказания им поддержки на предстоящих парламентских выборах. Что же касается Энкеля, то он просто боится Савоненкова, его надо кем-то заменить в министерстве⁵.

Претензий к финским властям у Москвы становилось все больше. Помимо очевидного для советской стороны желания Хельсинки не только поддерживать, но и развивать отношения с Западом, появлялись и косвенные факты, свидетельствовавшие о наличии определенной тенденции к отдалению от СССР. Показательна в связи с этим история с созданием Института по изучению Советского Союза. Уполномоченный ВОКС в Финляндии, третий секретарь советской миссии Сергей Истомин в подготовленной им в 1948 году справке «Институт по изучению СССР» кратко обрисовал перипетии, связанные со становлением этого института. Сразу после подписания перемирия в сентябре 1944 года, писал он, «в кругах прогрессивной интеллигенции возникла мысль о создании в Финляндии специального института... Инициативу... проявил народный демократ, бывший член так называемой “шестерки”, депутат сейма магистр Карл Вийк⁶. Он поделился тогда же, осенью 1944 года, своими мыслями о создании института с А.А. Ждановым... Товарищ Жданов отнесся к этому предложению положительно». В 1945 году Государственный совет Финляндии учредил при

Министерстве народного просвещения Государственный комитет для подготовки и изучения вопроса о создании института. Однако смерть Вийка в 1946 году остановила работу этого комитета. Только в 1947-м правительство Мауно Пеккала приняло решение о внесении в государственный бюджет отдельной строкой ассигнований на работу создаваемого института. Это решение нашло поддержку в эдускунте и у президента. Однако директором созданной структуры по изучению Советского Союза был назначен доцент Хельсинкского университета Валентин Юлиус Александр Кипарский. По мнению Истомина, трудно было подобрать на этот пост более подходящую для реакционеров кандидатуру, чем «трус и конъюнктурист» профессор Кипарский⁷, человек, политически близкий к самой реакционной партии — Коалиционной, который во время войны носил немецкую военную форму и входил в группу финских ученых, целью которых «являлись классификация и вывоз культурных ценностей Ленинграда после занятия его доблестной финской армией»⁸. Истомин не ограничивался составлением справки для руководства, он активно предпринимал шаги для устранения Кипарского.

Раздражение Истомина становится понятным, если учесть, что цели, ради которых создавался институт, не были достигнуты — институт не стал некой подконтрольной обществу «Финляндия — Советский Союз» структурой с политико-идеологическими, а не чисто научными целями. Кипарский и второй директор Игорь Вахрос опасались, что институт может оказаться под контролем общества «Финляндия — Советский Союз», и предпринимали в этом направлении определенные шаги.

Если вопрос о директоре Института по изучению Советского Союза относился, в общем, к числу маргинальных, то тема оборонительного союза таковой не являлась. В общих чертах она затрагивалась Ждановым в беседах с Маннергеймом еще в январе 1945 года, но затем, к удовлетворению финских властей, была забыта. Причины, по которым она стала актуальной во второй половине 1947-го, до сих пор остаются не вполне ясными. Не ясно даже кем она была внесена в повестку дня.

Слухи о возможном военном союзе оживились в начале 1947 года. Тогда Паасикиви дал интервью газете “SNS”⁹, в котором сказал следующее: «Я заверял генералиссимуса Сталина осенью 1939 года, что мы никому не позволим напасть на СССР с территории Финляндии. Я придерживаюсь этой точки зрения и сейчас. Если кто-то в будущем захочет напасть на Советский Союз через нашу территорию, то мы вместе с Советским Союзом будем драться столько, сколько сможем»¹⁰.

Осенью 1947 года, напутствуя выезжающую в Москву для обсуждения ряда экономических вопросов и различных аспектов репараций делегацию во главе с Пеккала, Паасикиви строжайше запретил касаться темы оборонительного союза. Этот запрет отнюдь не означал, что президент был категорически против заключения такого союза или видел возможность избежать такого исхода дела. Скорее всего, он осознавал, что какого-то варианта избежать не удастся, а поэтому для него актуальным становился вопрос о компенсации, на которую могла бы рассчитывать Финляндия (сам он склонялся к мысли, что возможна была постановка вопроса об изменении границы)¹¹. Однако делегация действовала, по выражению Паасикиви, как слон в посудной лавке, и вопрос об оборонительном союзе оказался затронутым¹². Молотов ухватился за представившуюся возможность и указал на подписанный некоторое время назад советско-венгерский договор о взаимопомощи. Мяч оказался на финской стороне.

Разногласия по этому вопросу между премьером и президентом после возвращения Пеккала из Москвы достигли предела: глава правительства угрожал отставкой. По его инициативе вопрос был внесен в комиссию по международным делам Государственного совета (правительства), и было принято решение о необходимости выработки финского проекта договора. Со своей стороны глава МВД Юрье Лейно требовал от министра иностранных дел Карла Энкеля начать переговоры. Но и позиция Паасикиви в это время ужесточилась: договор не является необходимым, от него следует отказаться, вопрос о компенсациях в любом случае подлежит дополнительному исследованию.

В конце 1947 года Паасикиви поручил выяснить отношение Лондона к вероятному подписанию договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с СССР не министру иностранных дел Энкелю, которого считал слишком уступчивым в переговорах с русскими, и не посланнику в Англии Ээро Вуори, которого президент считал очень боязливым, а министру обороны социал-демократу Юрье Каллинену, принадлежавшему в руководстве СДПФ к умеренному центру. Каллинен, как убежденный пацифист, был против договора. Зондаж позиции Лондона привел к тому, что, собственно, и Каллинен, и Паасикиви хотели услышать. В Англии надеялись на то, что Финляндии удастся не соскользнуть целиком под опеку Советского Союза: в деле с договором лучше выиграть время, оно остудит пыл Москвы¹³. Дело оставалось за малым: имеется ли у финских властей возможность затянуть время, так как в Москве дали понять, что тема договора не будет снята с повестки дня.

Финский посланник в Англии Ээро Вуори, более склонный к пессимизму, считал, что цель русских заключается в том, чтобы изолировать Финляндию от остального мира, чтобы она представляла как связанная с восточным блоком страна. Вожди социал-демократов Варьонен и Лескинен, несмотря на весь свой пыл и желание бороться с Москвой, осознавали, что возникающая между Западом и Востоком пропасть несет в себе угрозу того, что Финляндия останется один на один с Советским Союзом. Однако они считали, что, прежде чем подчиниться Москве и подписать договор, следует использовать все средства борьбы. Лескинен полагал, что позиции его партии настолько сильны в рабочей среде и особенно в профсоюзных организациях, что СДПФ в случае чего способна управлять ситуацией, если коммунисты попытаются предпринять определенные действия¹⁴. В Лондоне такой оптимизм Лескинена считали избыточным, правда, полагали, что Паасикиви мог бы пойти на уступку русским в вопросе о союзе, но Эдускунта могла бы такой договор не ратифицировать.

Паасикиви разрабатывал варианты первой беседы с новым советским посланником Савоненковым, на которой ожидал постановки вопроса о военном союзе. Однако тот при встрече с Паасикиви 23 января 1948 года так и не коснулся прямо вопроса об оборонительном договоре. Это оказалось неожиданным для президента. Савоненков поднял вопрос о необходимости приезда Паасикиви в Москву для улучшения двусторонних отношений. Последний попытался уклониться от поездки, заметив, что дела в Финляндии решаются не президентом, а Эдускунтой, что он уже весьма пожилой человек (77 лет) и поездка будет весьма тяжела для него. Паасикиви очень настораживало одно обстоятельство: Савоненков был настойчив в том, чтобы поездка была предпринята по инициативе самого президента, а не советского правительства.

Визит посланника вызвал у Паасикиви предельное беспокойство. В течение нескольких дней он подготавливал ответ. 26 января на страницах дневника президент записал его по-русски: «Я польщен Вашим заявлением, что благодаря тому доверию, которым я рад пользоваться со стороны руководящих членов советского правительства, их личный разговор со мною облегчил бы разрешение текущих вопросов. Я, однако, надеюсь и даже уверен, что это совершится с успехом и без моей поездки в Москву. Советское правительство неоднократно выражало свое одобрение по поводу лояльного¹⁵ исполнения Финляндией данных обязательств. Мы, напрягая все силы, выполним заключенный мирный договор, соблюдая притом наше законодательство, согласно которому действия правительства строго

ограничены решениями парламента. Президент Республики может действовать лишь вместе с правительством и парламентом, а в случае несогласия с последним — объявить новые выборы. Экономические и технические вопросы должны быть обсуждаемы специалистами обеих договаривающихся сторон до их решения. Я не сомневаюсь, что благодаря Вашему личному знакомству с условием страны все эти вопросы будут удовлетворительно разрешены посредством доверчивых и дружественных переговоров с Вами. Без сомнения, моя поездка в Москву вызвала бы в общественном мнении большую сенсацию и беспокойство; что при нынешних условиях, принимая тоже во внимание уже начавшуюся выборную кампанию, следует безусловно избегать. Ко всему сказанному следует присовокупить, что состояние моего здоровья не допускает связанного с поездкой физического напряжения сил. По настоянию врача я должен соблюдать самую тщательную осторожность, чтобы при моем 77-летнем возрасте сохранить возможность исполнения моих обязанностей. Мой врач констатировал у меня слишком низкое давление крови и предписывал мне строгий режим и лекарства для подкрепления действия моего сердца. Каждый вечер и в течение ночи я должен принимать усыпительные средства. У меня голова кружится.

Я надеюсь, что благодаря Вашим всегда любезным отношениям ко мне тот факт, что я (несмотря на Ваш совет) не могу предпринять поездку в Москву, не поведет к каким бы то ни было нежелательным толкованиям. Будьте уверены, что я всеми силами стараюсь упрочить дружбу между нашими странами и всячески стараюсь использовать эти силы для блага моей родины. Я остаюсь верен убеждению, что счастливая будущность моей родины зависит от дружеских отношений и обоюдного доверия между Финляндией и Советским Союзом»¹⁶.

Савоненков пришел к Паасикиви за ответом 28 января. Президент пункт за пунктом стал объяснять ему внутривнутриполитическую ситуацию в стране и заверять в неизменности внешнеполитического курса Финляндии, поскольку в отношении последнего, как он сказал, «кажется, есть какое-то недоразумение». Политический курс Финляндии не изменился, все партии, все слои народа поддерживают политику, которая проводится после подписания перемирия, направленную на улучшение отношений с Советским Союзом. Весь народ единодушен в том, что мирный договор следует пунктуально выполнять. Но также ясно, что народ Финляндии не только стремится выполнять условия мирного договора, но и обращает внимание на те его положения, которые закрепляют права Финляндии. Следует учитывать,

в том числе и посланнику, наше законное внутреннее общественное устройство. У нас много политических партий, и они соперничают друг с другом. Это только наше внутреннее дело. У нас политическая свобода. Это закреплено в нашей конституции и подтверждено ст. 6 мирного договора. Заявив это, Паасикиви зачитал ст. 6 договора, а затем и вышеприведенный ответ по вопросу о его поездке в Москву. В ответ он услышал, что поездка в Москву является исключительно важной. Что же касается «сенсации», которую она вызвала бы в Финляндии, если народ Финляндии выступает за дружественные и добрые отношения с Советским Союзом, то как эта поездка могла бы стать сенсацией, ведь ее единственная цель — улучшение отношений. Большее значение Савоненков придал аргументу о состоянии здоровья Паасикиви, хотя, как отметил, последний едва ли сам верил в него. Посланник заметил, что поездка могла быть организована в соответствии с пожеланиями Паасикиви. По окончании беседы у Паасикиви сложилось впечатление, что Савоненкову известно (от коммунистов или премьера Пеккала) о данном им Энкелю поручении подготовить заявление об оборонительном союзе. «Это ужасно, что ничего нельзя доверить премьер-министру»¹⁷.

После визита советского посланника Паасикиви предпринял колоссальные усилия, чтобы обеспечить поддержку своей позиции большинством эдускунты. В беседе с представителями Шведской народной партии, Аграрного союза и СДПФ он доказывал желательность откладывания вопроса на время после парламентских выборов. Он явно рассчитывал, исходя из результатов выборов в Центральную организацию профсоюзов, на которых коммунисты потерпели поражение, а социал-демократы получили большинство мест в руководстве, что новый расклад сил в эдускунте будет для него более благоприятным и создаст возможности для того, чтобы «закрыть» вопрос. Паасикиви устраивали внешнеполитические установки как фракции СДПФ в эдускунте, так и руководства партии. Рейнхольд Свенто, с которым Паасикиви встретился 1 марта, подтвердил, что большинство партии за западный блок, так как Запад — это подлинная демократия.

Навестивший Паасикиви У.К. Кекконен, рассказывая о своей поездке в Скандинавию, поведал, что в Швеции и Норвегии ходит масса слухов (особенно в последней): финские солдаты будут одеты в русскую униформу, «железный занавес» опустится на Финляндию и т.п. Настроения президента эта информация не улучшила.

5 февраля 1948 года заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин принял финского посланника. К. Сундстрем начал беседу с того, что напомнил о нерешенных вопросах — о желательности возобновления

переговоров о Сайменском канале, клиринговых расчетах по содержанию дипломатических миссий. Зорин кратко ответил, что эти вопросы изучаются советскими специалистами, но далее заметил: «...у нас имеются вопросы, которые задерживаются и трудно решаются, и есть вопросы, которые решаются сравнительно легко. Примером этого может служить подписанный вчера Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Румынской Народной Республикой». Сундстрем «начал явно оправдываться, что, очевидно, по вине финской стороны некоторые вопросы не могут быть удовлетворительно и быстро решены, намекнув прозрачно на советско-финский пакт. Я подтвердил его мысль», — завершил беседу Зорин¹⁸.

Еще до начала переговоров в Москве о заключении договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи Савоненков 17 февраля 1948 года направил заместителю министра иностранных дел Зорину¹⁹ справку о выполнении Финляндией условий мирного договора, подготовленную первым секретарем миссии А. Зотовым. В справке констатировалось, что, несмотря на заявления членов правительства и президента, в которых давалась высокая оценка заключенному договору и подчеркивалось стремление к дружественным отношениям с СССР, «после отъезда из Финляндии Союзной контрольной комиссии в правительственных учреждениях и сейме усилилась со стороны реакционных элементов тенденция, направленная к затягиванию, неправильному толкованию и срыву выполнения отдельных статей мирного договора». Недовольство Савоненкова вызывала позиция главы МИД Финляндии Энкеля, который на неофициальном заседании правительства высказался за то, чтобы советская миссия была лишена возможности запрашивать различные сведения в других организациях, минуя МИД²⁰. Несмотря на то что в справке констатировалось выполнение большинства постановлений мирного договора, однако ее общий тон был негативным.

21 января 1948 года Договорно-правовое управление МИД СССР направило руководству МИД предложение о возобновлении действия Советско-финляндского мирного договора 1920 года, «так как этим договором определена значительная часть советско-финляндской границы». Чем в действительности была обусловлена актуализация данной темы этой МИДовской структурой, остается не вполне ясным. Но уже 17 февраля глава управления С. Голунский в докладной записке на имя А.Я. Вышинского отказался от этой инициативы. Обоснование причин отказа вызывает вопрос, что вообще побудило выступать с ней. «...указанный договор содер-

жит в себе постановление, возобновление которого является малоцелесобразным, а именно, установление территориальных вод в Финском заливе лишь в размере 4 миль, — писал Голунский. — ...В ст. 1 Мирного договора [1947] с Финляндией указано, что “границами Финляндии будут границы, существовавшие на 1 января 1941 года, как они показаны на прилагаемой к договору карте”. И так как границей 1941 года является в соответствующих частях граница 1920 года и так как эта граница уже демаркирована на местности, то едва ли можно ожидать, что между СССР и Финляндией возникнут какие-либо недоразумения по поводу линии границы». В итоге Голунский констатировал, что невыгоды от возобновления действия договора 1920 года перевешивают выгоды²¹. В чем заключались «выгоды», он так и не объяснил. В то же время более профессионально в ДПУ МИД подошли к вопросу о возобновлении других довоенных соглашений с Финляндией. Например, желательным было возобновление соглашения от 28 октября 1922 года о поддержании главного фарватера и производстве рыбной ловли в пограничных водных системах; соглашения об Аландских островах от 11 октября 1940 года. Вместе с тем ДПУ и 5-й Европейский отдел МИД были против возобновления соглашения 1922 года о порядке производства рыбного промысла в Финском заливе, соглашения 1923 года о поддержании порядка в части Финского залива вне черты территориальных вод и содержания мореходных сооружений и лоцманской службы в Финском заливе, конвенции 1924 года о почтовых и телеграфных сообщениях (всего в общей сложности 12 соглашений и конвенций)²².

16 января 1948 года Генеральный штаб Министерства вооруженных сил СССР направил в МИД ответ на запрос последнего от 7 января. В подписанном заместителем начальника Генерального штаба генералом армии Антоновым документе указывалось, что вопрос об Аландских островах, который является одной из составных частей общей проблемы безопасности в зоне Балтийского моря, и демилитаризация архипелага создают определенную гарантию такой безопасности, что и обуславливает, с военной точки зрения, желательность «оставления в силе» советско-финляндского соглашения от 11 октября 1940 года. «Такая точка зрения по этому вопросу вызывается еще и тем обстоятельством, что указанное выше соглашение не только предусматривает демилитаризованное состояние Аландских островов и запрещение Финляндии предоставлять эти острова другим государствам для использования их в военных целях, но и предоставляет Союзу ССР определенные права осуществлять контроль за состоянием демилитаризованных островов». Кроме того, Антонов указывал на то, что изменение

этого соглашения «не только может вызвать продолжительную дискуссию и возражения финнов по отдельным вопросам, но и привести к ослаблению действующих ограничений для Финляндии, что также считается нежелательным»²³.

В Москве, судя по всему, устали ждать проявления в вопросе о договоре инициативы финской стороны. События в Чехословакии, вызвавшие бурную реакцию на Западе, порождали опасения советской стороны, что в Хельсинки намеренно будут затягивать принятие решения. В этой ситуации советская дипломатия прибегла к максимально возможному давлению: 22 февраля Паасикиви получил личное послание Сталина с предложением заключить договор.

Февральские события в Чехословакии сказались на внутривнутриполитической атмосфере Финляндии. С начала марта муссировались слухи о возможных провокациях коммунистов, что побудило командующего вооруженными силами генерала А. Сихво 11 марта после обсуждения вопроса с армейским командованием отдать распоряжение об усилении охраны складов с оружием и обеспечении максимальной безопасности коммуникаций советской военно-морской базы в Порккала-удд. По докладу Сихво Паасикиви 13 марта распорядился привести в состояние повышенной боеготовности столичный гарнизон²⁴. Когда 10 марта, встревоженные слухами о коммунистическом перевороте, к Паасикиви пришли социал-демократы Эмиль Скуг и Алекси Аалтонен, президент был взбешен: «Если этот народ настолько гнил, что может позволить какой-то маленькой группе осуществить государственный переворот, у него нет права на жизнь»²⁵. Масла в огонь подлила Хертта Куусинен, выступая 23 марта в «Мессухалли», которая заявила, что чехословацкий путь — это и путь Финляндии.

28 февраля 1948 года начальник 5-го Европейского отдела МИД Абрамов направил генеральному секретарю МИД СССР Б.Ф. Подчеробу для передачи Молотову два варианта статьи о Финляндии: «Советское предложение Финляндскому правительству» и «О советском предложении Финляндии». В последней подчеркивалось: «Актуальна ли проблема такого договора? Несомненно. Только ничего не мыслящие в политике люди могут утверждать обратное. Если Англия и Франция, заключившие в 1947 году такой договор, сочли это актуальным, то почему это не могут сделать Румыния, Венгрия или Финляндия?» На записке Абрамова сохранилась помета Молотова: «С этим подождать. М.»²⁶.

Финская делегация прибыла в Москву 22 марта. 25 марта в 6 часов вечера состоялась встреча двух правительственных делегаций²⁷. Молотов

высказал пожелание, чтобы договор был заключен по образцу советско-венгерского или советско-чехословацкого договора. Пеккала высказался за то, чтобы за образец был принят советско-чехословацкий договор²⁸, заметив при этом, что «есть и другие возможности, к которым можно будет вернуться при более детальном рассмотрении вопроса». Финская сторона настаивала на том, чтобы «вопрос о военном сотрудничестве во время войны касался бы исключительно территории Финляндии и чтобы заключенный договор не ограничивал право Финляндии как суверенного государства — это главный принцип»²⁹.

На следующий день у Молотова состоялась встреча с Пеккала с глазу на глаз. Гость начал с извинения, что он попросил во время переговоров о конфиденциальной встрече. «Он это делает по двум причинам: во-первых, состав приехавшей в Москву на переговоры делегации настолько пестр, что он не может откровенно при официальных переговорах объяснить действительное положение дела, и, во-вторых, по его мнению, во взаимоотношениях между великой и малой державами со стороны последней не может быть никаких дипломатических секретов и интриг». Далее он сообщил, что шесть членов делегации высказались за то, чтобы формулировка «Советский Союз по просьбе Финляндии окажет последней необходимую помощь» была заменена на следующую: «Советский Союз во взаимопонимании с Финляндией окажет последней необходимую помощь». Объяснил он это тем, что в Финляндии может быть создано такое правительство, которое не захочет просить о помощи. При этом он предостерег Молотова: «...большинство сейма не понимает необходимости заключения такого договора»³⁰.

Именно в этот же день генеральный секретарь финской делегации Тауно Суонтауста передал советской стороне в ответ на ее пожелания «перечень условий, содержание которых отвечает точке зрения Финляндского правительства», подписанный премьером Мауно Пеккала. Отложившийся в фонде Молотова в Архиве внешней политики документ (в нескольких копиях) содержит карандашную правку³¹. Насколько можно судить по пометке, она вносилась не главой советского внешнеполитического ведомства. Подчеркнутыми оказались слова «перечень условий», что явно отражало неприятие подобной формулировки. Фраза из финского документа «если собственные силы Финляндии окажутся недостаточными для вышеупомянутого нападения»³², то Советский Союз по взаимному соглашению с Финляндией окажет ей необходимую помощь» была рукой неизвестного советского дипломата отредактирована следующим образом: «В указанных

выше случаях Советский Союз в соответствии с настоящим соглашением окажет ей необходимую помощь». Тем самым обусловленность оказания помощи невозможностью решения задачи самой Финляндией полностью устранялась. Кроме того, обязательство Финляндии («согласно долгу самостоятельного государства») оказать сопротивление нападению Германии оказалось дополненным словами «вместе с СССР будет бороться против агрессии». В другой копии этого документа была внесена правка в еще один пункт «перечня условий». Пункт 2-й, гласивший, что «договаривающиеся стороны будут консультироваться друг с другом в случае констатирования угрозы военного нападения», был в секретариате Молотова отредактирован следующим образом: «Договаривающиеся стороны будут консультироваться друг с другом о мерах, которые должны быть приняты в целях устранения угрозы агрессии»³³.

27 марта переговоры были продолжены. Они начались с заявления Пеккала, что укрепление двусторонних отношений должно соответствовать жизненным интересам обоих государств и «особенно должно послужить неуклонному стремлению Финляндии стать вне каких-либо международных ссор и конфликтов». Едва ли это подчеркивание стремления к нейтралитету пришлось по душе членам советской делегации (особенно Зорину). Продолжая, Пеккала заявил, что «одновременно договор должен являться как бы выражением стремления обоих государств находиться в тесном сотрудничестве друг с другом». Касаясь собственно случая, при котором Финляндия окажется неспособной отразить агрессию собственными силами и СССР станет оказывать ей необходимую военную помощь, Пеккала заметил, что было бы целесообразно «пополнить договор консультацией на тот случай, если подобная агрессия будет констатирована». Иными словами, финская сторона хотела закрепить некую дополнительную гарантию того, что советской стороной не будут предприняты действия, вытекающие из односторонней оценки ситуации. Премьер был поддержан народным демократом Рейнхольдом Свенто: «Здесь главная мысль — в консультации». Пеккала, в свою очередь, добавил: «Со стороны Финляндии предполагается, что военные мероприятия вступают в силу лишь во время войны, но не в мирной обстановке. Подготовительные работы технического порядка и иные мероприятия, которые предполагаются в целях сотрудничества военного времени на финляндской территории и о которых особо будет оговорено, проводились бы финляндской государственной властью». Последние слова финского премьера указывали на озабоченность возможностью присутствия советских военных специалистов, не говоря уже о воинских частях³⁴.

Молотов согласился принять за основу финский проект договора, свой проект советская сторона вносить отказалась. Более того, отметив, что финский проект носит более ограниченный характер, чем советско-венгерский или советско-чехословацкий договор, Молотов согласился с пожеланием финской стороны о консультациях, предложив следующую формулировку: «Договаривающиеся стороны будут консультироваться друг с другом о мерах, которые должны быть приняты в целях устранения угрозы агрессии»³⁵.

У Молотова состоялась еще одна примечательная встреча с одним из членов финской делегации — с Карлом Энкелем 1 апреля. Молотова интересовали причины отъезда двух членов делегации в Хельсинки. Энкель дал пространственный и очень интересный ответ: «Дело в том, что президент Паасикиви — уже весьма пожилой человек и сейчас при обсуждении вопроса о договоре его запутали партии, существующие в Финляндии. Различные фракции сейма представили разнообразные заключения по проекту договора, и президент не может составить на основе этих заключений своего общего вывода. Поэтому он попросил финляндскую делегацию в Москве прислать к нему двух советников³⁶. Говоря откровенно, Паасикиви слишком распустил фракции сейма. Члены парламента болтают о всякой всячине»³⁷. Однако именно слова Энкеля о том, что Паасикиви слишком распустил сейм, скорее всего, весьма серьезно были восприняты его собеседником. Поступавшая в Москву информация о раскладе сил в эдускунте не оставляла сомнений, что ратификация договора может встретить очень сильное сопротивление.

6 апреля 1948 года договор был подписан. Положения его статей, безусловно, не создавали из Финляндии военного союзника Советского Союза, но считать их «исключительно выгодными» для Финляндии, как их оценивал, например, Юкка Невакиви, все же затруднительно. Положение о проведении при определенных обстоятельствах двусторонних военных консультаций в дальнейшем не раз служило ограничителем для свободы действий финских политических кругов даже в области внутренней политики.

Советско-финляндские переговоры вызвали настроенный интерес в государствах Скандинавии. Считалось, что возможный военный союз сделает Финляндию буферным государством, а в результате Швеция окажется пограничной с Советским Союзом страной, что вынудит ее пересмотреть весь комплекс взаимоотношений с Западом и, возможно, повлечет отказ от политики нейтралитета. Финляндский фактор неизменно

присутствовал во внешнеполитических расчетах шведского правительства. За три дня до подписания советско-финляндского договора глава МИД Швеции Эстен Унден в беседе с послом И.С. Чернышевым прямо поинтересовался, чем обусловлен такой шаг советской стороны — актуальной международной ситуацией или же он является частью общей программы³⁸. Посланник затруднился дать какой-либо ответ³⁹.

Год спустя Эрландер в беседе с главнокомандующим Х. Юнгом и начальником штаба шведской армии Н. Сведлундом дал понять, что отход Швеции от внеблоковой политики может быть мотивирован необходимостью улучшения положения Швеции в случае оккупации Финляндии или какой-либо ее части⁴⁰. Вместе с тем «финляндский фактор» диктовал правительству Эрландера сдержанность в вопросе о членстве Швеции в НАТО. Советник посольства СССР в Швеции А. Комаров летом 1949 года в своей докладной записке руководству отмечал, что вероятность принятия некоторых действий советской стороны в отношении Финляндии в случае вступления Швеции в НАТО предопределила отказ Стокгольма от этого шага⁴¹.

Уже после подписания договора Мауно Пеккала попросил о встрече с Молотовым. В начале беседы премьер сообщил, что президент Паасикиви интересовался, затрагивались ли в ходе переговоров экономические вопросы. Из последующей, отраженной в записи реплики Пеккала вытекает, что эта тема и не возникала. Тем самым становится понятным проявленное Пеккала беспокойство — договор был подписан, но даже синицы в руках не осталось. По этой причине он хотел узнать у Молотова, возможны ли позднее переговоры по экономическим вопросам. Ранее, в ноябре 1947 года, финляндская правительственная делегация поднимала в Москве экономические вопросы, вытекавшие из отказа Финляндии от участия в «плане Маршалла». «Заклученный теперь договор с Советским Союзом может затруднить положение Финляндии, которая ранее получала от США сырье и кредиты... Теперь Финляндии будет трудно что-то получить от США». Возможность получения американских кредитов вообще закрыта. Молотов не стал углубляться в тему и вернулся к значимости подписанного договора. Пеккала со своей стороны не поддержал ее и вернулся к экономическим вопросам. Молотов был вынужден дать ответ: «Что же касается экономических вопросов, то премьер-министру Пеккала известно, что генералиссимус Сталин весьма внимательно относится к вопросу о политических и экономических отношениях между СССР и Финляндией и что можно будет договориться и найти подходящее время, когда будут рассмотрены те экономические вопросы, которые интересуют Финляндию»⁴².

28 апреля вопрос о ратификации договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи обсуждался в эдускунте. Подавляющее большинство голосов (157 — «за», 11 — «против») проголосовало за его ратификацию, хотя и преобладала, по выражению Паасикиви, погребальная атмосфера⁴³.

Насколько можно судить, в Москве не рассчитывали на то, что достигнутый советской дипломатией успех будет иметь и обратную сторону. Со стороны большинства политических партий Финляндии подписание договора было воспринято как своего рода *carte blanche* на свободу действий в сфере внутренней политики. Однако, хотя в преамбуле договора упоминалось о стремлении Финляндии оставаться вне противоречий великих держав, сам Паасикиви очень осторожно использовал данный факт в попытках обосновать тезис о нейтралитете Финляндии. Вместе с тем вплоть до конца даже второго срока своего президентства он был уверен в том, что, несмотря на неблагоприятное восприятие в мире факта подписания договора, тот стал гарантией сохранения общественного строя Финляндии.

Что касается внешней реакции на подписание Финляндией договора с СССР, то наибольшее внимание к себе он вызвал в странах Скандинавии. В скандинавских столицах неизменно внимательно отслеживали колебания политики Советского Союза в отношении Финляндии, так как заложенные в договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи инструменты воздействия на внешнеполитический курс Финляндии могли быть задействованы в случае неблагоприятного для СССР развития общеполитической и военной ситуации в регионе. Вместе с тем, советская дипломатия никогда не соглашалась с понятием так называемого «северного баланса». Причина этого была характерна для общего взгляда СССР на регион Севера Европы. Принятие доктрины «северного баланса» неизбежно влекло за собой признание уместности членства Дании и Норвегии в НАТО. Советская дипломатия отстаивала точку зрения, что участие Дании и Норвегии в структурах НАТО является нонсенсом, поскольку каких-либо агрессивных намерений в отношении этих стран у Советского Союза не было.

В Финляндии учитывали возможность провоцирования конфликта между СССР и этой страной. В декабре 1949 года командующий финляндской армией генерал А. Сихво в представленном президенту Паасикиви меморандуме полагал возможным в случае кризисной ситуации намеренное провоцирование западными державами конфликта между Финляндией и СССР. Подобный конфликт мог повлечь оккупацию советскими войсками Финляндии, что связало бы до тридцати советских дивизий и ослабило бы

возможности СССР на иных театрах военных действий⁴⁴. Финское руководство неизменно видело в подписанном договоре подводные камни, на которые при определенных обстоятельствах может напориться независимость Финляндии. Об этом свидетельствует и то, что начавшаяся летом 1950 года война в Корее, в очередной раз повлекшая за собой осложнение отношений между Западом и Востоком, вызвала в политических и военных кругах Финляндии опасения, что слабая система противовоздушной обороны страны может послужить поводом для выдвижения со стороны Советского Союза требования о размещении на территории Финляндии своей сети контроля воздушного пространства⁴⁵.

* * *

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М., 1999. Т. 1: 1944–1948. С. 727.

² J.K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. Ensimmäinen osa. Helsinki; Porvoo; Juva, 1985. S. 532.

Посланник А.Н. Абрамов говорил Карлу Энкелю, что в вопросе о возвращении «изменников» нельзя проводить аналогии со Швецией, которая сохраняла в войне нейтралитет. В силу этого ссылки финской стороны на юридические аспекты проблемы учитываться не могут, к ее решению следует подходить только с политических позиций. Паасикиви был вынужден отметить для себя, что «у русских совершенно иное представление о праве и законности, чем у западных и северных народов». С Энкелем он приходит к выводу, что «бобриковское время было идиллией по сравнению с нынешним временем и нынешними условиями» (J.K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. S. 532).

³ Впервые тема возможного военного союза была изложена доктором Юрьё Рууту принадлежавшему к так называемой «мирной оппозиции» Карлу Энкелю в августе 1944 года. В ноябре того же года Рууту обсуждал этот вопрос с Маннергеймом, который отнесся к этому отрицательно. В декабре 1944 года эта тема возникла в беседе маршала со Ждановым по инициативе последнего. Только после этого Маннергейм поручил проработать вопрос генералу Эрику Хенриксу. В дальнейшем вопрос Ждановым не поднимался. По мнению Тимо Сойкканена, Рууту предполагал, что договор будет, с одной стороны, гарантировать Советскому Союзу определенную линию поведения Финляндии, а последней — свободу действий во внутренней политике, иными словами, будет способствовать упрочению позиций правых (*Soikkanen Timo. Yrjö Ruutu. Näkijä ja tekijä. Itsenäisyyden, eheyttämisen ja uuden ulkopolitiikan juurilla. Juva, 1991. S. 364–376, 383*).

⁴ J.K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. S. 537.

⁵ Ibid. S. 537–538.

⁶ Вилле Пернаа, посвятивший истории Института по изучению Советского Союза фундаментальную монографию, считал, что идея была предложена обще-

ству «Финляндия — Советский Союз» в ноябре 1944 года Валентином Кипарским. Идея нашла понимание, и в ноябре Маури Рюёма от имени общества изложил ее политическому советнику Союзной контрольной комиссии Павлу Орлову. И только после этого Карл Вийк затронул тему в беседе с А.А. Ждановым (*Perna Ville. Tehtävänä Neuvostoliitto. Opetusministeriön Neuvostoliittoinstituutin roolit suomalaisessa politiikassa 1944–1992*. Helsinki, 2002. S. 19, 22).

⁷ Кипарский был назначен на пост директора 2 декабря 1948 года.

⁸ Истомина С. Институт по изучению СССР. Справка // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 047. Оп. 9. П. 89. Д. 115. Л. 52–54.

⁹ Общество «Финляндия — Советский Союз»

¹⁰ Цит. по: *Suomi Juhani*. Vonkamies. Urho Kekkonen. 1944–1950. Helsinki, 1988. S. 310.

¹¹ *Ibid.* S. 311.

¹² Пеккала и Юрьё Лейно полагали, что данный вопрос мог рассматриваться и без санкции президента.

Не ясно, на чем основывается утверждение Юссила, Хентилиа и Невакиви, что Пеккала, как и Паасикиви, с неприятием отнесся к идее заключения договора (*Юссила О., Хентилиа С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 252).

¹³ *Majander Mikko*. Pohjoismaa vai kansandemokratia? Sosiaalidemokraatit, kommunistit ja Suomen kansainvälinen asema 1944–1951 // *Bibliotheca Historica*. Helsinki, 2004. 88. S. 346.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ Так в тексте.

¹⁶ J.K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. S. 548.

¹⁷ *Ibid.* S. 550–551.

¹⁸ В.А. Зорин. Прием К. Сундстрёма, 5.6.1948 // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 32. П. 170а. Д. 4. Л. 1–2.

¹⁹ Фактически именно Зорин курировал вопросы заключения договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи со странами народной демократии.

²⁰ Зотов А. Справка о выполнении Финляндией Мирного договора по состоянию на 15 января 1948 года // АВП РФ. Ф. 054. Оп. 32. П. 593. Д. 22. Л. 54.

²¹ Докладная записка С. Голунского А.Я. Вышинскому, 17.02.1948 // АВП РФ. Ф. 054. Оп. 32. П. 593. Д. 22. Л. 31–33.

²² Докладная записка М. Ветрова и С. Голунского А.Я. Вышинскому, 17.02.1948 // Там же. Л. 37–42.

²³ Письмо Антонова А.Я. Вышинскому, 16.01.1948 // АВП РФ. Ф. 054. Оп. 32. П. 593. Д. 22. Л. 14–15.

²⁴ *Visuri Pekka*. Puolustusvoimat kylmässä sodassa. Suomen puolustuspolitiikka vuosina 1945–1961. Juva, 1994. S. 66–68; *Saarikoski Vesa*. Keskustajääkäri Aarne Sihvo. Demokraatti ja eheyttäjää murrosaikojen asevoimissa. Helsinki, 1997. S. 369.

²⁵ J.K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. S. 250–251.

²⁶ Записка А.Н. Абрамова Б.Ф. Подцеробу, 28.02.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 72. Д. 1016. Л. 8.

²⁷ В состав советской делегации входили: В.М. Молотов, А.Я. Вышинский, В.А. Зорин, Г.М. Савоненков, А.Н. Абрамов; в состав финской делегации: М. Пеккала, К. Энкель, Р. Свенто, Ю. Лейно, У. Кекконен, И. Седерельм, О. Пелтонен, К. Сундстрём.

²⁸ Договоры СССР с Румынией и Венгрией предусматривали участие вооруженных сил этих государств в отражении агрессии Германии и союзных с ней государств также и вне собственных территорий. При этом в случае с Венгрией оказание ей военной помощи наступало автоматически, а ст. 4 договора с Румынией предусматривала проведение переговоров по всему кругу важных международных вопросов, которые касаются интересов обеих стран. Естественно, такие положения в тексте договора с СССР для финской стороны были неприемлемы.

²⁹ Из дневника В.М. Молотова. Прием финляндской правительственной делегации, 25.03.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 70. Д. 986. Л. 4–5.

³⁰ В.М. Молотов. Прием Мауно Пеккала, 26.03.1948 // Там же. Л. 8–10.

³¹ Мауно Пеккала. [Перечень условий финского правительства к договору о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи], 26.03.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 70. Д. 987. Л. 3–4.

³² Имелась в виду Германия или любое союзное с ней государство.

³³ Мауно Пеккала. [Перечень условий...]. Л. 7.

³⁴ Из дневника В.М. Молотова. Прием финляндской правительственной делегации, 27.03.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 70. Д. 986. Л. 12–15.

³⁵ Там же. Л. 18, 20.

³⁶ Речь шла о Кекконене и Сёдерельме.

³⁷ В.М. Молотов. Прием К. Энкеля, 1.04.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 70. Д. 986. Л. 24–25.

³⁸ *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. М., 2005. С. 375.

³⁹ Нежелание Чернышева ответить на этот вопрос само по себе представляет интерес. Положительный ответ на первую часть вопроса вполне совпадал бы с советской официальной точкой зрения и мог намекать собеседнику на возможность неких компромиссов в будущем. Такой же ответ на вторую часть вопроса дезавуировал бы советскую внешнеполитическую пропаганду, подчеркивал бы бескомпромиссность Москвы в обостряющейся борьбе с Западом и в силу этого мог быть воспринят как косвенное признание неизбежности военного столкновения.

⁴⁰ *Kronvall Olof.* Den bräckliga barriären. Finland i svensk säkerhetspolitik 1948–1962. Stockholm, 2003. S. 86.

⁴¹ *Petersson Bo.* Med Moskvas ögon. Bedömningar av svensk utrikespolitik under Stalin och Chrusjtjov. Arena, 1994. S. 86.

⁴² В.М. Молотов. Прием М. Пеккала, 8.04.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 3. Д. 14. Л. 1–2.

⁴³ В конце апреля Кекконен рассказывал Паасикиви, что первый секретарь Посольства США в Хельсинки поведал одному журналисту: Маннергейм уезжает за границу, чтобы создать эмигрантское правительство.

⁴⁴ *Visuri Pekka*. Puolustus voimat kylmässä sodassa. Suomen puolustuspolitiikka vuosina 1945–1961. Porvoo; Helsinki; Juva, 1994. S. 90.

⁴⁵ *Ibid.* S. 91.